

УДК 712(470.331) : 003

ТВЕРЬ КАК ТЕКСТ

Н. И. Ищук-Фадеева

Тверской государственной университет
кафедра теории литературы

Статья, культурологическая по своей стратегии, посвящена сравнительному анализу скульптурного ансамбля двух типологически схожих городов, связанных договорами о научном сотрудничестве, – Твери и Лодзи.

Ключевые слова: *городской ландшафт, знак, символ, концепция города, человек в городском ансамбле.*

Тверь – город особенный, как, наверное, любой из входящих не столько в *золотое*, сколько в *московское* кольцо: с одной стороны, традиционный уклад маленького городка, с другой – близость столичного города, невольно влияющего отраженным светом на сложившиеся устои и привычный образ жизни. Точнее, это особенный город, который, сохраняя все минусы провинциального города, не приобретает преимуществ большого и, тем более, выгод столичного. Особенно сказывается эта двойственность на культурной жизни полиса: как правило, к началу современной истории уже бытует определенная, подчас свойственная только данному локусу духовная жизнь, – в нашем случае это местные промыслы (золотошвейное дело), памятники культуры (Путевой дворец), исток Волги и старинные монастыри, разбросанные по красивейшим местам Тверского края, известного и своей богатой литературной историей. С другой стороны, влияние мегаполиса с его тяготением к цивилизации космополитического типа вызывает появление пиццерий или суши-баров, англоязычных вывесок («смесь английского с нижегородским») и постеров на центральных улицах – все это должно создать образ открытого к новациям города. В реальности же город предстает как пространство, где пересекаются знаки прошлого и современной истории, создающие эклектичное впечатление и тем самым разрушающие целостный образ.

Подобно художественному произведению, город, как было уже показано филологами и культурологами, может быть прочитан как текст, что и было продемонстрировано В. Топоровым, который ввел понятие *Петербургский текст русской литературы*. «Восстав из “топи блат”, Петербург расколол русское общество на две непримиримые части: для одной это был “парадиз”, окно в Европу, в которое Петербург старался втащить всю Россию, для другой он был бездной, предвещанием эсхатологической гибели. Попытки примирения двух крайностей не удавались, более того, сама идея их синтеза представлялась неосуществимой. Не следует ли признать или, во всяком случае, принять допущение, что внутренний смысл Петербурга, самая глубочайшая идея его лежит именно в этой не сводимой к единству

антитетичности и антиномичности – категорий, которые самое смерть кладут в основу новой жизни, понимаемой как ответ смерти и как ее искупление, как достижение более высокого уровня духовности. “Бесчеловечность” Петербурга оказывается органически связанной с тем высшим для России и почти религиозным типом человечности, который только и может осознать бесчеловечность, навсегда запомнить ее и на этом знании и памяти строить новый духовный идеал» [1, с. 5]. Понятие *внутреннего смысла* позволяет взглянуть на город не просто как на место обитания и даже не только как на ансамбль, более или вписанный в природный ландшафт, но и как на пространство, духовно наполняемое освоившими его людьми и наполнившее собой город в той же степени, что и город определил образ жизни своих жителей.

Наш город, задуманный как маленький Петербург, тоже поддается интерпретации, для начала – культурологической. Например, один образ города создается, если мы проходим по Садовому кольцу или Сиреневому бульвару, подходим к Чистым прудам или гуляем по Воробьевым горам. Другое дело, если Вы живете на ул. Резинстройа или Крайней, на ул. Коминтерна или Дзержинского. Когда мне бывало тяжело, я напоминала себе, что живу за «Прогрессом». И хотя гордое название получил захудалый магазин, двусмысленность этой формулировки успокаивала меня тем, что разумно объясняла неразумность бытия. Магазин недавно переименовали в «Славянку», приблизив меня, надеюсь, к последней границе абсурда провинциальной жизни: продавщицы в этом магазине почти не говорят по-русски.

Однажды польские коллеги сказали мне, что Лодзь для Польши примерно то же самое, что Тверь для России: оба города, промышленные по преимуществу, расположены недалеко от столиц, что накладывает на них определенный отпечаток. У меня была возможность самой увидеть (и не раз) этот промышленный польский город и сравнить его с русским промышленным городом – мое впечатление было отличным от наших польских коллег. Лодзь, конечно, не так именита и старинна, как Краков, и не так нарядна, как Варшава, но у города есть свое лицо и свой стиль, хотя украшаться город стал относительно недавно. Единство стиля обеспечивают скульптурные памятники, поставленные на центральной улице города, Пиотровской, и посвященные великим людям, так или иначе связанным с городом.

Хронологически первым был памятник, посвященный Юлию Тувиму (1999) (работа А. Гриневича), который изображает поэта сидящим на скамейке. Изюминка скульптурной композиции в том, что скамейка рассчитана на двоих, и любой желающий, будь то житель или гость города, может подсесть к поэту и как бы послушать его стихи или просто поговорить о поэзии или о жизни, прошлой и нынешней, которую созерцает бронзовый Тувим. Через год скульптор М. Шитенхельм, которому принадлежит вся концепция городского ландшафта, создал запоминающийся образ великого пианиста Артура Рубинштейна перед домом, в котором тот проживал. Этот памятник включает в себя концепт творчества уже своей композицией: перед роялем, частично стоящим на тротуаре, сидит Рубинштейн, а на скамейке вновь оставлено место еще для одного человека, но так как скамейка

расположена непосредственно перед раскрытой клавиатурой, предполагается, что подсевший может сыграть с великим музыкантом в четыре руки, и это не только весьма великодушно по отношению к смельчаку и зрителям, но и благородно со стороны Рубинштейна.

Наконец, третий памятник, который нельзя не упомянуть: это группа из трех человек, сидящих за круглым столом. Согласно преданию, город, наряду с поляками, был создан представителями еще трех наций – немцем, евреем и русским, способствовавшими созданию текстильной промышленности, которая и обеспечила его бурное развитие. Великое собрание основателей Лодзи окончательно проясняет концепцию: свободный стул в этой композиции – явное приглашение сесть за стол переговоров о судьбах города. В таких «декорациях» лодзинец чувствует себя действующим лицом «театра города» – он столь же значим, что и его великие жители. История обязывает, и каждый современный обитатель может принять участие в устройстве города: заплатив 50 злотых (сумма вполне доступная), он «строит» свой город-мир, и это подтверждает его именной брусочек, вымещающий центральную улицу – по аналогии с аллей звезд. Это не просто интересное решение городского ансамбля, это представление о жителях города как о его коллективном хозяине и творце, как о действующих лицах, а не простых зрителях.

Как же выглядит тверитянин в «декорациях» своего города? Выберем несколько памятников, вписанных в городской ландшафт древнего русского поселения, из тех, что тоже связаны с именами, прославившими город, некогда побывавший столицей России, правда, короткое время, – это Афанасий Никитин, Иван Крылов и Александр Пушкин.

Памятник Афанасию Никитину (скульпторы С. М. Орлов и А. П. Завалов по проекту архитектора Г. А. Захарова, открыт в 1955 году) – одно из архитектурных украшений города: знаменитый купец, совершивший «хождение за три моря», стоит на ладье с головой коня, помещенной на берегу Волги. Аллегоричность такого решения очевидна в ретроспекции и символична в аспекте неопределенного будущего. Если рассматривать памятник в отношении *великий тверитянин – обычный современник*, то второй может приобщиться к славе, поместившись не рядом со знаменитым открывателем неведомых земель, а заняв отдельное место в ладье, тем самым обозначив свое стремление уплыть из города в «прекрасное далеко». В данном случае тверитянин скорее выведен за пределы города, чем вписан в него. Ситуация выглядит еще ироничнее, если учесть литературно-религиозный контекст: «По своим композиционным и жанровым особенностям сочинение Афанасия Никитина явно перекликается с древнерусскими паломничествами (“хождениями”) и, по-видимому, должно восприниматься на этом литературном фоне – как “хождение” в неправильное (нечистое) место, т.е. как своего рода *антипаломничество*: если паломничество в нормальном случае описывает путешествие в *святую* землю, то в данном случае, напротив, описывается путешествие в *грешную, поганую* землю» (выделено автором – **Н. И.-Ф.**) [2, с. 265].

Аналогичная логика, то есть образ в контексте творчества, определила и памятник Крылову (поставлен в 1959 году; скульпторы С. Д. Шапошников,

Д. В. Горлов, архитектор Н. В. Донских): баснописец окружен 4 стелами, на каждой из которых по два барельефа с изображением его героев из басен «Лиса и виноград», «Волк и журавль», «Свинья под дубом», «Квартет», «Кукушка и петух», «Волк и ягненок», «Ворона и лисица», «Лев и волк» и «Лев состарившийся». Стоящие полукругом барельефы позволяют человеку встать рядом с ними, но тогда он становится не субъектом творчества, а объектом, наравне с «жителями» басенного мира, а это совсем другая семантика скульптурного ансамбля, да и концепция человека и города тоже. Ироничной репликой к скульптурной композиции с Артуром Рубинштейном за роялем выглядит барельеф, изображающий «Квартет» великого баснописца, и тверитянин либо гость города был обречен на роль слушателя этой виртуальной какофонии.

И наконец, памятник Пушкину, один из относительно недавно поставленных (1974 год; скульптор О. К. Комов, архитекторы Н. И. Комова, В. А. Фролов). Поэт стоит на набережной, почти напротив Афанасия Никитина, небрежно облокотившись на постамент. Его свободная поза позволяет также свободно подойти к поэту, с ним можно постоять, но – отдельно, ибо «диалог» в данном случае и не предполагается. Тверитянин, таким образом, был отчужден от великого человека, связывающего времена и поколения через тверскую землю.

Итак, город может быть прочитан как текст, проясняющий место человека в нем благодаря языку скульптуры, и этот текст пока не впускает в свое великое прошлое современника, несмотря на особое положение. В своей работе о городе как тексте Топоров вскрывает «внутренний смысл» Петербурга в его сравнении с Москвой: «При этом ведущим членом сопоставления в данном случае нужно считать Москву, учитывая, что образ Петербурга в Петербургском тексте во многом строится как мифологизированная антимодель Москвы. Речь идет о важнейшей *пространственной* характеристике, совмещающей в себе черты диахронии и синхронии и имеющей выход в другие сферы (вплоть до этической). Москва, московское пространство (тело), противопоставляется Петербургу и его пространству, как нечто органичное, естественное, почти *природное* (отсюда обилие растительных метафор в описаниях Москвы), возникшее само собой, без чьей-либо воли, плана, вмешательства, – неорганичному, искусственному, сугубо “культурному”, вызванному к жизни некоей насильственной волей в соответствии с предумышленной схемой, планом, правилом. Отсюда – особая конкретность и заземленная реальность Москвы в отличие от отвлеченности, нарочитости, фантомности “вымышленного” Петербурга» [1, с. 20].

Тверь совмещает в себе природное начало и *волевое*, и это соединение разъединяющих две столицы начал усиливает *внутренний смысл* города, занимающего особое место на пути «из Петербурга в Москву». Так, если у нас нет дерзких путешественников, способных на «хождения», может, удастся создать *тверской текст в литературе* – ведь не случайно же город был задуман как маленькое подобие Петербурга? И уж тем более важна его литературная история, создающая особый полисный текст, который только ждет своего исследователя.

Список литературы

1. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы [Текст] / В. Н. Топоров. – СПб. : Искусство-СПб. 2003. – 616 с.
2. Успенский, Б. А. Избранные труды [Текст] : в 3 т. / Б. А. Успенский. – М. : Изд-во Гнозис, 1994. –Т. 1 : Семиотика истории. Семиотика культуры. – 608 с.

TVER AS A TEXT

N. I. Ishuk-Fadeeva

Tver State University

The department of the theory literature

The article, cultural studies on the strategy, deals with the comparative analysis of the sculptural ensemble of two typologically similar cities connected agreements on scientific cooperation of Tver and Lodz.

Key words: *urban landscape, sign, symbol, concept of the city, people in the urban ensemble.*

Об авторах:

ИЩУК-ФАДЕЕВА Нина Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: nina.fadeeva@mail.ru